

СЕКЦИЯ 2. СВЯЗИ И ОКРУЖЕНИЕ Г.Н. ПОТАНИНА

УДК 821.161.1: 94 (571.1/5)

Е.А. Макарова

ПОСМЕРТНЫЙ ДИАЛОГ Н.М. ЯДРИНЦЕВА И Г.Н. ПОТАНИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ И АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ)

Рассматривается «посмертный» диалог двух лидеров сибирского областничества, связанный со стремлением Потанина увековечить память Ядринцева и продолжить его дело в газете «Восточное обозрение». Благодаря письмам Потанина, выявляется своеобразие его деятельности, взаимоотношения с Т.М. Фарафоновой, работающей после смерти Ядринцева над его публицистическим наследием, размышления Потанина о судьбах сибирского областничества в историко-культурной ситуации начала XX в. Впервые вводятся в научный оборот материалы из архива Ядринцева, хранящиеся в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ.

Ключевые слова: Сибирь, областничество, колонизация, фронтир, письма, архив.

Диалог двух самых ярких представителей сибирского областничества – Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева – начался еще в 60-е гг. XIX в. В этот период формирования мировоззрения и складывания областнической доктрины они испытали несомненное влияние народнических идей Герцена и Чернышевского, анархо-федералистских представлений М.А. Бакунина, земско-областной теории А.П. Шапова, исторических сочинений Н.И. Костомарова, вольнолюбивой поэзии Т.Г. Шевченко. В итоге Ядринцев становится одним из наиболее заметных русских защитников и теоретиков децентрализации. Потанин же видел залог будущего развития Сибири в общинном, артельном начале, поэтому ему важно было указать на ту разницу, которая существовала между сибирской и американской колонизацией. В областнической идее он, прежде всего, отстаивает ценности демократизма, позитивизма, прав личности, этноса, региона.

Следующий этап их активного диалога связан с годами тюрьмы и ссылки (1865–1873 гг.). После вынесения окончательного приговора по «делу сепаратистов» Ядринцев оказался в Шенкурске Архангельской губернии, где у него завязывается активная переписка с Потаниным, который находится на каторжных работах в Финляндии, а затем высылается в Тотьму и далее в Никольск Вологодской губернии. Несмотря на недостаток средств, будущим лидерам областничества удается в ссылке получать многие периодические издания, выписывать труды западноевропейских писателей по вопросам истории, этнографии, географии, знакомиться с сочинениями Прудона, Лассалья, Сен-Симона, Руссо, читать «Капитал» Маркса.

Не менее активно они принимают участие в деятельности «Камско-Волжской газеты», осно-

ванной в 1872 г. в Казани Н.Я. Агафоновым и К.В. Лаврским. Газета, которая с первого же номера заговорила о ситуации в провинциальной прессе, стала, по сути, и первым органом областничества, создавая прецедент местного издания. Активность и Ядринцева, и Потанина в написании статей в духе «сибиризма» была так велика, что некоторые ее номера называли «совершенно сибирскими». Потанин впоследствии вспоминал: «Мы оба писали в нее с таким жаром, как будто это была та самая газета, которую мы мечтали когда-нибудь основать в одном из сибирских умственных центров» [1]. В этот период происходит и окончательное складывание областнической доктрины. Эволюционным этапом в мировоззренческой системе ее лидеров, в освоении и усвоении мира станет отделение «своего» пространства от «чужого», «иног», что неизбежно выводило к понятию границы и ее пересечения, поиску идеального локуса для воплощения своих идей, осознания истории Сибири в плане идентификации и самоидентификации.

Сибирь всегда манила русского человека романтической свободой, богатствами и одновременно пугала своей неизведанностью, каторгой и ссылкой. Не случайно пенитенциарный вопрос все время «сопровождается» в публицистических текстах Ядринцева и Потанина вопросом переселенческим. По мировым масштабам Сибирь всегда была громадным вместилищем антисоциального элемента, что не могло не сказаться на всех сторонах сибирской жизни. Несомненно, что ссылка, каторга и тюрьмы препятствовали становлению отношений на основе собственности, так как сама грань между собственностью и присвоением была размыта. Поэтому, по убеждению исследователей,

главной фигурой колониационного процесса должно стать российское крестьянство, вытесняемое в Сибирь малоземельем или «утеснением на местах» [2]. А.Д. Агеев, проводя параллель между историей Сибири и Америки, также выделяет как основную – проблему взаимоотношения пришельцев с аборигенами, подчеркивая, что если для американцев новые земли завоевывались, то русскими – больше осваивались. Не случайно, когда в США возник конфликт цивилизаций, то его исход был предreshен, и произошла ликвидация первобытного уклада. В Сибири, напротив, даже на ее юге, Россия сохранила местные народы. Интенсивная динамика в Америке «имела результатом почти полное подавление одной культуры другой». В Сибири же процесс взаимодействия был длительным, менее интенсивным и «имел следствием значительно больший уровень взаимопроникновения культур». В итоге «взаимная ассимиляция являлась главной чертой продолжавшегося антропогенеза теперь уже «русско-сибирской», или евразийской цивилизации» [3. С. 230]. И тот факт, что коренные народы сохранили свою этническую жизнеспособность, видится Потанину и Ядринцеву самым позитивным в истории освоения Сибири.

Важным этапом в развитии идей областничества становится деятельность газеты «Восточное обозрение», возглавляемой Ядринцевым с 1881 г. С 1886 г. она существовала в качестве приложения к «Сибирскому сборнику», а с 1 января 1888 г. начала выходить в Иркутске. Уже в самом названии – «Восточное обозрение» – была задана масштабность географических границ обозреваемого региона: Сибирь, страны Северо-Восточной Азии – Монголия, Китай, Корея, Япония. На страницах газеты Потанин и Ядринцев выступали как авторы передовых статей, очерков, фельетонов, литературно-критических и мемуарных статей, стихотворений.

В их художественно-публицистических текстах Сибирь представляла не привычным «придатком» центра, но краем невиданных богатств и неограниченных возможностей. Сибирский регион начинал рассматриваться как многоземельная, активно осваиваемая территория. А при условии проведения в ней либерально-реформаторских преобразований, строительства железной дороги, рациональной организации переселенческого движения, развития образования Сибирь, по убеждению областников, способна была превратиться из «страны изгнания» и «царства чиновничьего произвола» в процветающий край. Не случайно огромное внимание уделялось публикациям по переселенческому вопросу, так как к концу XIX в.

становилось все более очевидным, что дискурс о переселенчестве обнаруживал свою несомненную широту и самостоятельность. Данная проблема начала ассимилироваться с вечными национальными концептами странничества, бродяжничества, пути. Она оказалась важной и для жанра этнографического очерка, одним из любимых персонажей которого стал бродяга, беглый каторжник, переселенец-скиталец. В итоге несомненным для этого периода становится явное нарастание взаимотяготения культурных импульсов столицы и Сибири в подходе к общим проблемам.

Этому способствовал ряд благоприятных факторов, особенно ярко проявившихся в последние десятилетия XIX в.: явный поворот культуры в сторону собирания и обработки фольклора различных народов Российской империи, мощное развитие русской этнографии, следовавшей во многом западным, позитивистским образцам. Огромное значение в это время имели многочисленные экспедиции, предпринятые Русским Географическим обществом на далекие российские окраины, целью которых было не только открытие новых территорий, но стремление запечатлеть обычаи, уклад, традиции и нравы практически не известных дотоле этносов. Все это сопровождалось дальнейшим постижением «русской идеи», поисками национально-православной идентичности.

По убеждению лидеров областничества, в результате колонизации Сибири сложился новый социокультурный мир, который был свободен, не замкнут в себе, который постоянно принимал приток нового населения переселенцев и ссыльных, во многом изменяющих нравы. Сибирь теперь рассматривается как принципиально географическое, натуралистически-антропологическое пространство России, то конкретное место, где явлена самостоятельная сфера человеческого бытия, сложная, противоречивая и настоятельно требующая глубокого осмысления. С точки зрения фронтальной ситуации она все больше приобретала черты подвижной зоны закрепления и освоения, зоны, которая не столько разделяла, сколько сближала внутреннее и внешнее пространство. Вследствие этого и колонизация была направлена на снятие, перенесение границы между уже освоенным и осваиваемым пространствами, на преодоление культурной дистанции.

Необходимо помнить, что Потанин к этому времени все меньше выступает в печати по общественно-политическим вопросам, отдавая предпочтение научной и экспедиционной работе. Но когда он в Петербурге летом 1894 года узнает о смерти-самоубийстве Ядринцева, то, потрясенный

гибелью единомышленника, много пишет о своей личной вине по отношению к нему. Теперь он больше всего озабочен двумя вопросами: увековечением памяти друга и судьбой оставшейся после него газеты «Восточное обозрение». В журнале «Этнографическое обозрение» он публикует некролог под названием «Н.М. Ядринцев», пишет о нем воспоминания для книги Б. Глинского. С этой же целью в ноябре 1894 г. Потанин обращается к нему как к редактору «Исторического вестника» с просьбой переписать и переделать его записку о Ядринцеве. Одновременно с этим редакция «Восточного обозрения» обратилась к видному историку и журналисту М. К. Лемке с аналогичной просьбой. Оба заказа были выполнены, и книги вышли [4–5]. Заново в эти годы Потанин пересматривает и концепцию областничества, понимая, что программа культурного преобразования края, заявленная областниками, так или иначе воплотилась в жизнь. Но ушли из жизни соратники: Н.С. Щукин, А.П. Щапов, С.С. Шашков, Ф.Н. Усов, А.В. Потанина, Н.М. Ядринцев. В итоге он остается один и принимает решение вернуться в Сибирь.

С 1900 г., переехав в Иркутск, Потанин повел областной отдел в «Восточном обозрении» и твердо стоял на том, чтобы газета не утратила местного колорита, как того желали некоторые сотрудники редакции. Вокруг него образовался кружок почитателей во главе с К.А. Козьминой и Т.М. Фарафонтовой, которой было поручено разобрать архив Ядринцева. Об этом мы узнаем в письмах Потанина В.И. Семидалову, хранящихся в фондах Томского краеведческого музея и впервые опубликованных Н.В. Серебренниковым. В июльском письме за 1902 г. из Барнаула Потанин сообщает: «Дорогой Вениамин Иванович, посылаю Вам письмо Таисии Михайловны Фарафонтовой <...>. Я, считая себя душеприказчиком своего покойного друга, разрешил ей разбор бумаг Ник<олая> Миха<й>ловича. Ник<олай> П<етров>ич> Левин нашел маленькие средства, которые дают возможность Т<аисии> Мих<ай-ловне> не обременять себя посторонними занятиями для заработка и значительную часть досуга посвящать этой работе. Она увлеклась работой. Я ей доверяю, так как знаю ее давно. Она тоболячка, кончила Высшие женск<ие> курсы, занимается литературой, в «В<осточном> о<бозрении>» подписывается Фарь. Пожалуй<и>ста, отнесите к ее просьбе благосклонно» [6. Л. 25–26]. В другом письме, написанном из Томска 4 октября 1904 г., Потанин уточняет, что пишет его со своей приятельницей Таисией Михайловной Фарафонтовой, «которой я

передал материалы о Н. М. Ядринцеве, какие были в моем распоряжении». А уже 3 июля 1905 г. сообщает тому же Семидалову, что «Таис<ия> Мих<ай-ловна> Фарафонтова обратилась ко мне за разрешением пользоваться моими письмами, которые писал Ядринцеву в Шенкурск. Я не имею ничего против того, чтоб Вы выдали их ей. Я думаю, что она воспользуется ими настолько осторожно, что читатели не припишут мне охоты порисоваться перед ними. Она умная девица» [6. Л. 32].

Многочисленные упоминания имени Т.М. Фарафонтовой не случайны, так как именно ей впервые удалось разобраться с многочисленными письмами, документами, рукописными фрагментами неоконченных статей, хранящихся в бумагах Ядринцева. В Иркутск она приехала из Петербурга вместе с Потаниным, где они сотрудничали в журнале «Байкал». Будучи в 1902–1907 гг. сотрудником «Восточного обозрения», Фарафонтова в 1902–1904 гг. напечатала в газете обширные материалы для биографии Ядринцева под общим заголовком «Из бумаг сибирского патриота». Для этой цели она использовала его письма к Г.Н. Потанину, хранившиеся у последнего, а также часть рукописных и незаконченных статей по самым разнообразным вопросам сибирской жизни [7]. Эта серия статей имела не только просветительскую, но и научную ценность, так как впервые был опубликован целый ряд неизвестных материалов. Важно, что их публикация пришлась на пик споров о сути и проблеме реализации областной идеи на рубеже веков.

Первая публикация за подписью «Т. Фарь» появилась 7 июня в «Восточном обозрении» к восьмой годовщине смерти Ядринцева. В ней автор уточняет, что источником для создания статей стали документы и бумаги сибирского публициста, хранящиеся в Иркутском Восточносибирском отделении Русского Географического общества. Но отсутствие полной библиографии создавало проблемы с датировкой и фактами опубликования той или иной статьи. Затруднения возникли у Фарафонтовой и с определением авторства, если учесть обилие псевдонимов и неподписанных публикаций Ядринцева. Заметим, что и до сих пор не существует полной библиографии работ Ядринцева за исключением рукописной, составленной той же Фарафонтовой еще в начале XX в. [7. № 131; 8]. В следующей статье она оговаривает, почему берет в основном материалы из последнего пятилетнего периода его жизни и деятельности. Главная причина заключается в том, что многие его публицистические и биографические материалы

оказались неопубликованными, поэтому потребовали расшифровки и введения в научный оборот [9. 1902, № 160. Л. 2].

Проблематика же в бумагах «сибирского патриота» самая разнообразная. Здесь мы находим материалы о первом выпуске газеты «Восточное обозрение», вышедшей с эпиграфом «Область» – вот девиз, с которым мы выходим среди других органов русской печати» [9. 1902. № 188], публикацию «Взгляд Н.М. Ядринцева на колониальный вопрос вообще и на Сибирь как колонию России. Условия, необходимые для успешного развития Сибирского края» [9. 1902, № 237]. Сообщает исследовательница и о том, что за год до смерти, после поездки в Америку на выставку в Чикаго, в 1893 г., Ядринцевым была задумана и наполовину написана обширная работа, озаглавленная «Путешествие в Америку. Очерк из жизни и истории европейских колоний». Он писал в это время Потанину, что задумал книгу под названием «Сибирь и Америка», уточняя, что «это было бы мое последнее слово». Значимой в этом же номере газеты является публикация статьи «Взгляд Ядринцева на колониационный вопрос вообще и на сибирское переселение в частности», являющейся частью отрывка из его незаконченной рукописи [9. 1903. № 184].

Во вновь опубликованных Фарафонтовой материалах излагаются взгляды Ядринцева на историческую роль Тихого океана и стран, с ним сопредельных; рассказывается о поездке исследователя в Монголию и обнаружении там Каракорума [9. 1904. № 54]. Исследовательница впервые печатает незаконченную рукопись с эпиграфом из писем Ядринцева о путях-дорогах, публикует отрывки из его путевого дневника и записных книжек, в которых фиксировались впечатления о путешествии по степям и пустыням Монголии. Неоконченная рукопись «Преступники перед судом литературы» представлена как продолжение темы тюрьмы и ссылки, а статья «О буддизме как религии несчастья» связана с его общей разработкой инородческого вопроса [9. 1904. № 62].

Тем не менее дальнейшая судьба бумаг и писем Ядринцева оказалась поистине драматичной, так как вокруг его архива закрутилась целая интрига. Потанин, который сам поручил Фарафонтовой разобраться в этих документах, пишет ей 14 июля 1904 г. из Томска: «Что касается до пачки писем, писанных ко мне Ник^олаем Михайловичем <Ядринцевым>, то ими Вы можете располагать особенно по Вашему желанию. Мне даже приходит мысль подарить их вам, но об этом мы еще посоветуемся» [10. С. 69–70]. В октябре он сообщает А.Е. Черемшанскому: «Многоуважае-

мый Александр Евграфович! Пишу это письмо Вам с Таисией Михайловной Фарафонтовой, которой я передал все, какие у меня были, материалы, относящиеся к биографии Н.М. Ядринцева. Я направил ее к вам, как к человеку, который близко знал покойного» [10. С. 72]. Важные сведения и уточнения неустанно развивающейся мысли и творческих, человеческих отношений лидеров областничества дают нам материалы архива, хранящиеся в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ. Архив Ядринцева поступил в НБ ТГУ 1920 г. в составе архива Г.Н. Потанина, с 1998 г. он был выделен в самостоятельный фонд. Его материалы уже частично были использованы исследователями, многие же из них только сейчас вводятся в научный оборот. (В настоящее время опись архива составлена сотрудником ОРКП НБ ТГУ Н.В. Васенькиным. Автор публикации выражает ему благодарность за помощь в работе).

Так, в архиве Ядринцева хранится сопроводительная записка Фарафонтовой к его бумагам, которую она составила при отъезде из Иркутска в 1906 г. Приводим ее полный текст: «Находящиеся здесь рукописи представляют часть архива Н.М. Ядринцева, сохранившегося в Иркутске при музее Географического общества. Эти письма и статьи и др. материалы для его биографии. Переданы они на сохранение через ред. «Былое» Т.М. Фарафонтовой до востребования мною, а в случае моей смерти должны поступить в Ирк<утский> Музей, собственность которого и составляют. Я ими пользовалась в литер<атурных> целях с согласия Г.Н. Потанина. Т. Фарафонтова» [12. 1906. Л. 1–2].

Тем не менее уже в 1907 г. Потанин с сожалением пишет В.Б. Шостаковичу: «В Отдел (Русского Географического общества. – прим. Е.М.) был помещен ящик с рукописями, альбомами и печатными материалами к биографии Ядринцева. В числе материалов была пачка писем Ядринцева ко мне и пачка писем его жены к нему, когда она была невестой. Целы ли эти рукописи, и в каком они положении? Ими пользовалась Таисия Мих<айловна> Фарафонтова. Не будете ли любезны сообщить мне об этом» [10. С. 88]. Исследователи склонны такую «забывчивость» Потанина приписывать его достаточно преклонному возрасту, так как он настойчиво продолжает поиски писем Ядринцева, сам, по сути, подарив их Фарафонтовой.

В письме из Томска к ней за 1913 г. он совершенно искренне сетует по поводу «пропажи»: «У меня большое огорчение: ящик с материалами Ядринцева из <Восточно-Сибирского> Отдела <Географического общества> исчез. Я просил секретаря отдела вынуть из ящика пачку писем

Ядринцева ко мне и выслать в Томск, но их там не нашлось. Без Вас в библиотеке архива хозяйничал Овчинников. Очевидно, кто-то, знающий цену рукописям, прикарманил эти письма. Как вы думаете – кто?» [10. С. 116]. И в письме В.И. Семевскому в начале следующего года Потанин уточняет: «Фарафонтова, пересылая письма Бурцеву, на корзинке, в которой они были закупорены, сделала надпись, что письма составляют собственность Отдела Географического общества в Иркутске. Это не так. Я эти письма отделу не жертвовал. Заехав в Большое село Рязанской губ., я забрал все, что может служить материалом для биографии Ядринцева, и отправил все это в Иркутск на имя учительницы Калерии Александровны Яковлевой, впоследствии Козьминой, которая обещала составить биографию Николая Михайловича» [10. С. 118].

Когда же Таисия Михайловна напомнила ему «историю» с письмами, он попытался ее оправдать более чем своеобразным способом: «Сердиться на Вас не могу, во-первых, потому, что Вас люблю, во-вторых, потому, что нахожу оправдание в Вашем поведении. Вы бросали Сибирь и увозили с собой драгоценные для Сибири рукописи. Вы чувствовали, что для меня это был непримиримый факт, и потому думали, что я не допустил бы их увоза из Сибири. Вы увезли, а потом стали бояться, что они могут погибнуть во время обысков и арестов. Понимаю, что Вам было очень трудно отослать их мне, т.е. раскрыть истину. Я долго был убежден, что письма лежат в музее, но один писатель обратился ко мне с просьбой разрешить пользоваться ядринцевским материалом. Я встревожился и написал письмо в Иркутск, чтобы эту пачку выслали мне в Томск. Но получил ответ, что в музее никакой пачки нет. После этого я два года мучился мыслью, что пачка потерялась. Мои друзья стали подозревать Овчинникова и других прикосновенных музею лиц». И дальше добавляет: «Мне хочется получить эту пачку снова в свои руки. Я найду в Сибири деньги, чтобы издать письма Ядринцева. Конечно, никто не может их комментировать так, как я» [10. С. 119–120]. Уточним, что эти письма с примечаниями Потанина удалось напечатать лишь частично в 1918 г. [12]. В ноябре же 1915 г. он сообщает Фарафонтовой, что «возня с письмами Ядринцева продолжается», а уже 10 декабря подводит итог этому драматическому сюжету: «Дорогая Таисия Михайловна! Спешу Вас известить, что корзина с бумагами Ядринцева, которую Вы передали Бурцеву, наконец, мною получена» [10. С. 138, 140].

Таким образом, несмотря на всю этическую сложность ситуации, очевидно, что всеми поступками и чувствами Потанина руководили благородные помыслы увековечить память друга и не дать пропасть тем ценным документам, которые являлись важным дополнением ко всему его творчеству. Будучи уже совсем немощным к концу своей жизни, Потанин продолжает нести любовь и память к Ядринцеву и к тому общему делу, которому они так искренне и страстно служили. Письмо П.А. Казанскому, написанное им 14 мая из Томска в более чем драматический 1919 год, выражает его желание не поддаваться общему унынию в ситуации политического разброда и экономической разрухи, а помнить об иных ценностях: «Многоуважаемый Порфирий Алексеевич. Пожалуйста, напишите мне, как барнаульцы собираются ознаменовать день 7 июня (25-летие со дня смерти Н.М. Ядринцева), готовятся ли какие статьи в газеты? Будет ли какое-нибудь публичное выступление с докладом о жизни и литературных произведениях Ядринцева или о его значении для области? Здесь «Сиб[ирская] жизнь» к этому дню будет наполнена статьями и, может быть, будет устроено в каком-нибудь зале публичное заседание. Желательно было бы, чтоб и в других городах были прочитаны доклады. Это подновило бы память о сибирском публицисте и расшевелило бы спящую Сибирь. Нет ли у Вас кого-нибудь в Бийске, с кем можно списаться по поводу 7 июня? Какой там есть живой человек? Сообщите его имя и адрес и сами ему напишите. Преданный Вам Григорий Потанин» [10. С. 158]. Сам он в это время принимает посильное участие в создании юбилейного номера журнала «Сибирские записки» и публикует в газете «Сибирская жизнь» две статьи: «Госкующий Ядринцев» и «Ядринцев – жертва конфликта между колонией и метрополией» (13–14).

Как видим, «посмертный диалог» Ядринцева и Потанина продолжает развиваться на основных положениях идеи сибирского областничества, которые сблизили их когда-то на заре общественной и художественно-публицистической деятельности. И главными здесь являются проблемы идентификации и самоидентификации Сибири, национальной идентичности, выработка общей сибирской формулы. В итоге рассмотрение всего комплекса проблем, разработанных Потаниным и Ядринцевым, развивалось в рамках теории диалога как постоянного общения в культуре и фронта как постоянно передвигающейся границы в национальном культурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потанин Г.Н. Воспоминания // Сибирская жизнь. 1914. № 211, 26 сент.
2. Ядринцев Н.М. Судьба русских переселенцев за Урал // Отечественные записки, 1879, № 6.
3. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005.
4. Глинский Б. Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк, с предисловием В. Острогорского и приложением воспоминаний Г. Потанина. М., 1895.
5. Лемке М. Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк. СПб., 1904.
6. Серебренников Н.В. Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород: Изд-во Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, 2000. (Подлинник – ТОКМ. Оп. 14. № 12. Л. 25–26).
7. Фарафонтова Т.М. Из бумаг сибирского патриота // Восточное обозрение, 1902, № 131, 139, 148, 160, 168, 172, 188, 237; 1903. № 128, 145, 184, 226; 1904. № 54, 62, 72, 77, 86, 94, 103, 114, 126, 130, 134, 145, 152, 164, 168, 178.
8. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 580. Оп. 1. Д. 25.
9. Восточное обозрение
10. Потанин Г.Н. Письма: В 5 т. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. Т. 5.
11. Архив Ядринцева в ОРК НБ ТГУ. Ф.3. Сопроводительная записка к архиву Н.М. Ядринцева. Автограф. 2 листа. СПб., 1906. 16 авг.
12. Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. Красноярск: Тип. Енис. губ. Союза кооперативов, 1918. (Изд. ред. ж-ла «Сибирские записки»). Вып.1: (С 20 февр. 1872 по 8 апр. 1873).
13. Сибирская жизнь. 1919. 18 июня. № 122.
14. Сибирская жизнь. 1919. 20 июня. № 124.